

Уильям был облачен в белое епископское одеяние. Посередине ряд пуговиц был застегнут идеально ровно, на рукавах и подоле не было ни единой складки — всё выдавало его строгий, дотошный характер. Когда этот старик спокойно смотрел на других, в его глазах читалась мудрость и спокойствие, накопленные годами, а лицо, излучавшее доброжелательность, невольно располагало к себе.

За окном по-прежнему сияло солнце. Сквозь витражи его лучи рассеивались на тонкие нити, мягко ложась на мозаичный пол.

В комнате, наполненной атмосферой покоя, Сяо Юй стоял у книжного шкафа на левой стене, разглядывая книги в кожаных переплетах, отлично сохранившиеся со временем. На корешках золотыми линиями были нанесены метки, видимо, для удобства поиска.

С другой стороны Лайт аккуратно ставил на место книги, которые принес из дворца.

Сяо Юй с недоумением разглядывал стеллаж, занимавший всю стену, — почти все книги были на арабском. Вспоминая, что после взятия Иерусалима крестоносцами сарацины и евреи постепенно выкупили оставшиеся в Святом Граде книги, и в самом городе сохранилось не больше одной десятой части, он удивлялся: в этой библиотеке было собрано несколько сотен арабских томов.

— Эти книги привез из Египта придворный учёный Осама из Дамаска. Когда он с ними прибыл в Акко, король конфисковал их. Король поручил мне написать историю крестоносцев и исламских королевств — эти книги стали для меня бесценным источником, — сзади раздался старческий голос Уильяма. Он с восхищением смотрел на тома, его сухая правая рука скользила по переплетам, словно он гладил возлюбленную.

Сяо Юй хорошо понимал, что в эту эпоху книги были уделом дворян и королевской семьи. Собрание в этой комнате могло бы разорить сарацинского вельможу.

— Лайт говорил, что вы его учитель. Вы рассказываете ему историю мусульман? — Сяо Юй повернулся к Лайту, который с трудом поднимал тяжеленный фолиант, похожий на камень, и пытался вставить его между другими книгами.

Чёрные волосы юноши, перевязанные за ушами, мягко лежали, переливаясь в лучах солнца. Лицо его было серьёзным, он ловко открыл обложку другой книги, поднял взгляд, прицеливаясь на полку, и каждое его движение было выверено.

— У знаний нет национальных границ. Как учитель Лайта, я обязан передать ему знания полностью, а не скрывать их, — Уильям посмотрел вслед за взглядом Сяо Юя, и в голосе его слышалось удовлетворение. — Этот ребёнок очень умён, у него собственное мнение о людях прошлого, и он часто умеет извлекать из их опыта уроки для себя. Это очень радует.

Тут Уильям внезапно смолк и тихо вздохнул. Сяо Юй заметил, как в глазах этого спокойного мудрого старца появилась печаль.

— Как епископ Тира, я могу крестить этого мальчика и передать ему всё, что знаю. Но перед его болезнью я бессилён. Единственное, что я могу — найти книги о проказе и попытаться найти в них средство лечения. Но результат очевиден.

В этот раз герой их разговора, почувствовав взгляды, опустил книгу и посмотрел в их сторону. Увидев, что учитель и Сяо Юй смотрят на него, он сначала замер, а потом широко улыбнулся и кивнул.

Сяо Юй и Уильям ответили улыбкой.

— Это мой самый гордый ученик, но это же тот ребёнок, о котором мне больше всего и который заставляет чувствовать своё бессилие, — тихий вздох старца постепенно затих, словно его и не было.

Повисла тишина. Потом старец вдруг повернулся к Сяо Юю. Ранее мутные глаза пронзил острый взгляд, губы плотно сжались, лицо стало строгим. Он пристально смотрел на юношу:

— У Лайта всегда был упрямый нрав. С тех пор, как он узнал о своей болезни, он заперся в комнате, не подпуская к себе никого. Даже я и Сибилла не могли вывести его из этого уныния.

Сяо Юй молча смотрел на Уильяма, ничего не выражая.

— Не знаю, как тебе удалось заставить этого мальчика снова воспрянуть духом, перестать быть таким подавленным и мизантропичным — в этом я тебе обязан благодарностью. Но я вижу, что он доверяет тебе. Честно говоря, ты не производишь впечатления подростка. Надеюсь, в будущем ты не предашь его доверие.

Услышав это, Сяо Юй повернулся к занятому книгами Лайту, а потом снова к Уильяму и ответил легко, но твёрдо:

— Я восхищаюсь им. В этом могу вам поручиться.

Острота и напряжение в глазах Уильяма мгновенно исчезли. Старик снова стал добрым и мягким:

— Надеюсь, ты сдержишь данное обещание.

Выйдя из дворца, который Уильям использовал как библиотеку, Лайт глубоко вздохнул и, улыбаясь, повернулся к Сяо Юю:

— Каждый раз, когда беру книги у учителя, приходится самому возвращать их на место. Уильям никогда не позволяет слугам рыться в своих полках.

Сяо Юй небрежно кивнул:

— Наверное, боится, что они нарушат порядок.

— Учитель ценит эти книги больше собственной жизни. Если слуга потеряет хоть одну, он будет злиться три дня — а его гнев страшен, — Лайт, вспомнив что-то, поежился.

— Кстати, видел, вы с учителем оживлённо беседовали. О чём говорили? — поинтересовался Лайт, будто между прочим.

Сяо Юй лишь покачал головой:

— Ничего особенного.

Увидев, что Сяо Юй не желает продолжать, Лайт не стал настаивать и просто пошёл рядом с ним.

Впереди раздался громкий яростный крик, и человек, охваченный гневом, быстро выкрикивал проклятия. Подойдя ближе, Сяо Юй различил слова.

— Все эти проклятые еретики должны быть убиты, их кровь должна омыть крест! — чёткий старческий голос становился всё ближе. Когда Сяо Юй и Лайт подошли к коридору у внутреннего двора, из-за угла, волоча полы одежды, вышел старик в белом епископском облачении. За ним шли двое юношей в чёрных рясах — епископ шёл так быстро, что им приходилось бежать.

Встретившись почти нос к носу, епископ внезапно поднял голову и, увидев перед собой наследного принца, резко затормозил. Гневное выражение лица не успело схлынуть, и оно выглядело гротескно скрученным. Он поклонился и, сдерживая ярость, произнёс:

— Принц Балдуин.

Те, что были сзади, повторили поклон.

Когда они выпрямились, Сяо Юй заметил, что у юноши, стоявшего слева от епископа, в глазах горел азартный огонёк, а губы скривились в улыбке, устремлённой на Лайта. Юноша был красив, кожа светла, он излучал чистоту и святость. Рясу он носил высокую, пуговицы застегнуты на самый верх, весь вид дышал аскетизмом. Рядом с другим, заурядным лицом юношей, разница была разительной.

Но... Сяо Юй опустил глаза, мгновенно сделав вывод: такая аскетичность и чистота только сильнее разжигают в других желание унижать.

Лайт тоже поклонился:

— Епископ Хиль.

После обмена приветствиями епископ Хиль не стал затягивать разговор. Он сухо попрощался с Лайтом и, не останавливаясь, зашагал прочь, увлекая за собой юношей.

Проходя мимо Лайта, красивый юноша на миг замедлил шаг, обернулся и посмотрел на него. Теперь его улыбка стала шире, и он казался источником солнечного света.

Встретившись с ним взглядом, Лайт ничего не сказал, лишь кивнул.

<http://bllate.org/book/16685/1531027>